

УСТНАЯ ТРАДИЦИЯ И ПИСЬМЕННОСТЬ

Древняя Русь

УДК 81

DOI: 10.28995/2686-7249-2026-3-14-34

«Проходжали, что над зайцем»:
что означали выкрики над трупом Осипа Волохова,
убитого толпой 15 мая 1591 г. в Угличе?

Любовь В. Столярова

*Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия,
lvsto@mail.ru*

Аннотация. В Следственном деле о гибели царевича Дмитрия среди записей устных показаний свидетелей и участников угличской драмы («расспросных речей») имеются показания матери Осипа Волохова, Василисы. В них зафиксирован эпизод «хорканья» толпы над трупом ее сына, смысл которого до сих пор не был ясен. Доклад посвящен анализу этимологии и символики выкрика, который извещал об удачной охоте, либо был частью традиционного боевого пляса «ломание», предварявшего драку «стенка на стенку». Анализируются упомянутые в письменных источниках возгласы и «припевки», связанные с «ломанием», и высказывается предположение об архетипической общности боевого пляса и охоты в ритуальном глумлении над трупом.

Ключевые слова: гибель царевича Дмитрия, Следственное дело, династический кризис, психология толпы, проактивная агрессия, «хорканье», ритуальное глумление над трупом, социальные архетипы, охота, боевой пляс

Для цитирования: Столярова Л.В. «Проходжали, что над зайцем»: что означали выкрики над трупом Осипа Волохова, убитого толпой 15 мая 1591 г. в Угличе? // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языковедение. Культурология». 2026. № 3. С. 14–34. DOI: 10.28995/2686-7249-2026-3-14-34

“Holkhati as over a Hunted Hare”:
Interpreting the shouts over the corpse of Osip Volokhov,
killed by crowd in Uglich on the 15th of May 1591

Lyubov V. Stolyarova

*Institute of World History, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, lvsto@mail.ru*

Abstract. In the Investigative Case on the death of Tsarevich Dmitry in 1591, among the records of oral testimonies of eyewitnesses and participants of the Uglich drama (“interrogatory speeches”), there are accounts by Osip Volokhov’s mother Vasilisa. They record an episode of the crowd’s *horkhanije* (*horkhanie*) over her son’s corpse, the meaning of which remains unclear. The paper is dedicated to the analysis of the etymology and symbolism of this word, which designates a shout which either announced a successful hunt or was part of a traditional martial dance, *lomanie* (‘breaking’), which preceded a wall-to-wall fight. Exclamations and ‘choruses’ mentioned in written sources in relation to ‘breaking’ are analyzed, and a hypothesis is put forward regarding the archetypal connection between martial dancing and hunting in the ritual mockery of a corpse.

Keywords: Death of Tsarevich Dmitry, Investigative Case, dynastic crisis, crowd psychology, ritual, proactive aggression, *horkhanie*, ritual mockery of a corpse, social archetypes, hunting, martial dance

For citation: Stolyarova, L.V. (2026), “ ‘Holkhati as over a Hunted Hare’: Interpreting the shouts over the corpse of Osip Volokhov, killed by crowd in Uglich on the 15th of May 1591”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 3, pp. 14–34, DOI: 10.28995/2686-7249-2026-3-14-34

15 мая 1591 г. в удельном Угличе звон набатного колокола возвестил о гибели младшего сына Ивана Грозного и фактического наследника престола при бездетном царе Федоре Ивановиче царевича Дмитрия. Сразу же родилась версия о его убийстве, озвученная царицей Марией Федоровной и ее братом Михаилом Федоровичем Нагими. В непосредственной близости от места гибели царевича Дмитрия, во дворе его дворца, звоном набатного колокола была собрана толпа угличан¹ и учинен самосуд над глав-

¹ Под толпой следует понимать неорганизованное скопление людей, не имеющих общей цели и находящихся на ограниченной территории в состоянии сильного эмоционального возбуждения [Рощин 1990, с. 4].

ными «злодеями» – дьяком Михаилом Битяговским, его сыном Данилой, Микитой Качаловым и Данилой Третьяковым. Все они были убиты озверелой толпой. Жестокому избиению подверглась мамка царевича боярыня Василиса Волохова. На ее голову обрушились удары поленом, которые наносила сначала Мария Нагая, а затем ее брат Григорий Федорович. Среди якобы убийц царевича, имена которых выкрикивала во время избиения Волоховой Мария Федоровна, был назван и сын «мамки» – Осип Волохов. Во дворе дворца царевича Дмитрия он обнаружен не был и не был убит сразу. Однако в тот же день он был растерзан толпой возле церкви св. Спаса на глазах царицы. Расправа над Волоховым послужила прологом к массовым казням в Угличе предполагаемых «убийц» царевича, разграблению усадьбы Битяговских, а также розыску и преследованию тех, кто подозревался в связях с государевым дьяком. Подавляющее большинство убитых – слуги Битяговского, Качалова, Третьякова и Волоховых, а также просто «прихожие» к Битяговскому лица. Всего 15–16 мая 1591 г. в Угличе были убиты 18 человек, причем гибель 13 из них² последовала за побитием в Кремле дьяка Битяговского и за казнью у Спасского собора Осипа Волохова – последней жертвы толпы из числа названных убийцами царевича Дмитрия его обезумевшей от горя матерью. Были избитые и покалеченные, разграблению подверглась государева казна, были разгромлены «Дьячья» и «Брусная» избы. Погром в Угличе стал следствием учиненного Нагими самосуда, вошедшего в историю как «измена Нагих».

Гибель Осипа Волохова сопровождалась неким «холканьем»: «...а убив, и прохолкали, что над саицем». Смысл этого «холканья» не ясен. В литературе нам встретилась только одна попытка объяснить его значение. В.Н. Козляков предположил, что выражение «прохолкали, что над заицем» означает «проглотили его целиком».

В толпе отсутствует четкая социально-психологическая структура, однако ярко выражена потребность в вожде. В толпе нет личностей, они деиндивидуализированы, и это создает ощущение безнаказанности и силы. На эмоциональное состояние людей воздействуют слухи, а их волевой контроль ослаблен паникой. Обычно толпа принимает своеобразную кольцевую форму [Почебут 2005, с. 174].

² Плотник Савва, каменщик Митя Суздалец, мужик Белотелец, четыре «человека» Михаила Битяговского (Иван Кузмин, Павел и двое анонимных), Васка – «человек» Осипа Волохова, безымянный «человек» Василисы Волоховой, «человек» Данилы Третьякова, два не названных по имени «человека» Микиты Качалова и юродивая («жоночка уродливая», «жоночка Михайлова»).

На чем основано это толкование, Козляков не уточнил [Козляков 2009, с. 13]. Попробуем разобраться, что в действительности означало сравнение трупа Волохова с загнанным зайцем и чем было упомянутое «холканье».

Наиболее подробно события 15–16 мая описаны в показаниях Василисы Волоховой, которая была допрошена одной из первых прибывшей из Москвы в Углич вечером 19 мая комиссии Василия Ивановича Шуйского. Итогом работы комиссии стало Следственное дело, содержащее материалы «повального обыска», осуществленного в отношении ок. 150 угличан³. Показания Василисы Волоховой весьма достоверны. Допрошена она была по горячим следам, в состоянии сильнейшего эмоционального потрясения, вызванного жестокой расправой толпы над ее сыном Осипом Волоховым, гибелью царевича, погромом в Угличе. Она была серьезно травмирована (царица «голову еи пробилла во многих мѣстех»), ее избивал «по боком» Григорий Нагой, после избиения ее бросили «чюм(ь) живу... замертва», а затем обесчестили и «посадили в полату за сторожи»⁴. Состояние, которое она должна была неизбежно переживать в мае 1591 г., в психиатрии определяется как посттравматическое стрессовое расстройство⁵. Оно характеризуется навязчивым прокручиванием в памяти психотравмирующих эпизодов, которые не позволяют забыть произошедшее (flashback). В сочетании со сведениями, полученными из расспросных речей других лиц, допрошенных комиссией Василия Шуйского, показания Волоховой позволяют довольно отчетливо реконструировать события, произошедшие входе «мятежа Нагих»:

1. ц(а)р(е)вич в болѣзни в чорной покололся ножом,
2. и ц(а)р(и)ца Мар(ь)я збежала на двор
3. и почала еѣ, Василису, ц(а)р(и)ца Мар(ь)я бити сама полѣномъ, и голову еи пробилла во многих мѣстех, и почала еи, Василисе, приговариват(ь), что будто се с(ы)нѣ еѣ, Василисин, Сѳисп с Михаиловым с(ы)ном Битяговского, да Микита Качалов ц(а)р(е)вича Дмитрея зарѣсали.

³ РГАДА. Ф. 148: «Угличская следственная комиссия во главе с князем В.И. Шуйским». Оп. 1. Д. 1.

⁴ Известие о заточении Василисы Волоховой содержится в расспросных речах архимандрита Феодорита.

⁵ Реконструкция психолого-психиатрического состояния участников Угличской драмы выполнена по нашей просьбе врачом психиатром-психотерапевтом П.В. Белоусовым по материалам Угличского следственного дела.

4. И она, Василиса, почала *еи* бит(и) челом, чтоб велѣла ц(а)р(и)ца дати сыскъ праведной, а с(ы)нѣ еѣ и на дворѣ не бывал.

5. И царица де велѣла еѣ тѣм же полѣном бити по бокомъ Григор(ь)ю Нагово,

6. и тут еѣ тол(ь)ко чют(ь) живу покинули замертва.

7. И почали звонити у Сп(а)са в колокола,

8. и многие люди посадские и всякие люди прибежали на двор.

9. И ц(а)р(и)ца де Мар(ь)я велѣла еѣ, Василису, *взяти* посадским людям,

10. и мужики де еѣ *всѣли* и еѣ *ободрали* и простоволосу еѣ держали перед ц(а)р(и)цею.

11. И прибежал де на двор Михаило Битяговской...

Как известно, государев дьяк Михаил Битяговский, услышав набат, не сразу двинулся на место трагедии, а в присутствии попа Богдана отправил своих людей узнать о происшествии. На то, чтобы добраться до Кремля и вернуться обратно, слугам потребовалось какое-то время. Если предположить, что Осип сразу же, услышав набат, бросился со своего подворья к подворью Битяговского, следует думать, что их разделяло расстояние большее, чем то, которое дважды преодолели слуги по дороге от подворья Битяговского к царевичеву дворцу и обратно. Кроме того, слугам потребовалось время, чтобы вызнать, что происходит во дворце и почему ударили в набат. Иными словами, получается, что бежал к дьяку Осип Волохов подозрительно долго.

Несколько странным кажется и тот факт, что Осип, реагируя на сигнал тревоги в Угличе и ничего еще не зная о произошедшем, бежал не ко дворцу и не к церкви Спаса, как остальные угличане, а на подворье к Битяговскому. Такое было бы возможно, только если Волохов к этому времени уже знал о трагическом происшествии во дворце. Однако никто из тех, кого Нагие объявили «убийцами» царевича Дмитрия, в том числе и Волохов, в момент гибели мальчика на территории дворца замечен не был. «Ребятки жильцы», отвечая на вопрос комиссии Шуйского о том, кого они видели возле царевича в момент его гибели, сказали, что

...были са ц(а)р(е)в(и)чем в тѣ поры толко они, четыре ч(е)л(о)в(е)ки жилцов, да кормилица, да постелница, а Осипа Волохова и Данила Михайлова с(ы)на Битяговскоз(о) в тѣ поры са ц(а)р(е)в(и)чем не было и са ц(а)р(е)в(и)чем не хажи[ва]ли.

Не упомянули о Волохове и другие свидетели гибели Дмитрия Угличского.

Тем не менее Волохову уже должно было быть известно, что царевич мертв, что его мать избита Нагими до полусмерти, а его собственное имя названо царицей в числе имен других «убийц» Дмитрия. Он мог увидеть происходившее во дворе своими глазами и скрыться неузнанным, затерявшись в толпе, а мог, будучи дома, получить информацию от кого-то из своих людей, решивших заранее предупредить его об опасности. Не исключено, что, услышав набатный звон, он, как и большинство угличан, побежал со своего подворья в Кремль. На полпути он мог быть остановлен известием о происходящем во дворце и, насмерть перепугавшись, поспешил к Михаилу Битяговскому. В любом случае, к подворью Битяговских Волохов бежал в поисках укрытия и защиты. Здесь Осипа Волохова и «поймали посадские люди». Не исключено, что его уже искали и гнались за ним, а потому поиски Осипа Волохова привели его преследователей не к нему домой, а на подворье Битяговских.

Думается, что Василиса Волохова не раскрыла в своих показаниях всей правды или же вся правда не была ей известна. Действительно, будучи при царевиче и не отходя от него ни на минуту, она могла только предполагать, что ее сын Осип «был у себя» и до того, как бросился к Битяговскому, из дома не отлучался. Вероятно, на следствии, все еще опасаясь за свою судьбу, Волохова стремилась отвести тень подозрений в убийстве царевича от своего уже мертвого сына (а значит – и от себя тоже!) и всеми силами старалась доказать, что 15 мая он не появлялся ни в Кремле, ни во дворце ни до, ни сразу после трагедии.

«Поймавшие» Волохова посадские люди «привели его еще жива перед ц(а)р(и)цу». Согласно показаниям Авдотьи Битяговской, ее вместе с дочерьми Евдокией (Дунькою) и Марьей (Машкою) также выволокли из дома и потащили «на двор». Семью Битяговского вели на расправу все те же отец и сын Григорьевы. Вдова дьяка была уверена, что распоряжение задержать ее с «дочеришками» и доставить на двор отдали конюхам брата Нагие:

...прислали Михаило да Григорей того ж конюха Михалка с сыном сь его и з Данилкомъ по меня и по детишок на подвор(ь)ишко, и онѣ, г(осу)д(а)рь, взяв меня с моими дѣтишками, ободрав, нагу и простоволосу поволокли на двор...

Дальнейшие события разыгрались на площади перед собором святого Спаса и непосредственно в соборе. К тому времени, как Осип Волохов, а затем и Авдотья Битяговская с двумя дочерьми были проконвоированы в Кремль, основное действие переместилось с внутреннего двора царевичева дворца к Спасскому собору.

Андрей Александрович Нагой на руках перенес тело царевича в собор. Рядом с Андреем Нагим шла безутешная царица. Возможно, ее вели под руки братья или слуги. Толпа угличан, оставив растерзанные тела убитых лежать во дворе, мрачно перетекла к собору. Игумен Савватий, узнав от присланного за ним и архимандритом Феодоритом кутейщика Богдана о трагедии во дворце, застал тело царевича уже лежащим в церкви святого Спаса:

И он приѣхал в город, ажно ц(а)р(е)вич лежит во Спасе сарѣзан.

То же свидетельствовал архимандрит Феодорит:

И какъ они приѣхали в город, а ц(а)р(е)вичево уж тѣло в Спасе лежит.

Нагие неотступно находились рядом. Григорий Нагой в своих показаниях озвучил опасения семьи, что царевичево тело может быть похищено («...а блюлис(ь) ѿт г(о)с(у)д(а)ря опалы, чтоб хто ц(а)р(е)вичева тѣла не украл»). Почему у Нагих возникли такие подозрения и кому и зачем мог бы понадобиться труп царевича? Возможно, тело царевича со следами ножевого ранения оставалось в воображении Нагих неопровержимым доказательством его насильственной гибели, в характере которой они не сомневались. Кража трупа царевича означала бы для них сокрытие важнейшей улики, свидетельствующей об убийстве, чего они не могли не опасаться после инициированной ими резни в Угличе. Только доказанный факт гибели царевича от рук убийц мог оправдать самосуд и самоуправство Нагих. Не случайно тело царевича лежало в храме без погребения вплоть до приезда из Москвы Следственной комиссии боярина В.И. Шуйского⁶. Оно было предано земле на седьмые сутки после трагедии, а именно 22 мая 1591 г.⁷ Не исключено, что перед погребением тело царевича Дмитрия было осмотрено комиссией, хотя достоверных сведений об этом нет. Скорее всего, подробный осмотр трупа не только не производился, но и, по мнению следователей, не требовался. В таком случае признаки ножевого ранения царевича в горло должны были быть очевидными⁸.

⁶ Члены комиссии появились в Угличе вечером 19 мая 1591 г.

⁷ Дата погребения содержится в «Повести об убиении царевича Дмитрия», сохранившейся в единственном списке XVII в. (ЧОИДР. 1864. Кн. 4. С. 4: Повесть об убиении царевича Дмитрия).

⁸ Имеем в виду доступные для обозрения следы ножевого ранения горла на трупе и пусть незначительные, но пятна крови на одежде царевича.

Архимандрит Феодорит показал, что Осипа Волохова уже на его глазах привели «к ц(е)рковне к Спасу перед ц(а)р(и)цу» едва живого; вероятно, его перед этим жестоко избили. Архимандрит Савватий упомянул, что какое-то время Осип находился внутри собора: стоял «са столпом». Почему его, объявленного злоумышленником, втокнули в церковь, где, вероятно, по погибшему nasledнику служилась панихида, неясно. Неизвестно и то, мог ли он сам, вырвавшись из рук своих конвоиров, броситься в церковь в поисках защиты и укрытия.

Очевидно, что царица, находясь возле тела своего сына, была центром угличского бунта. Это она выкрикивала имена «убийц», она (или действовавшие ее именем Нагие) отдавала распоряжение ударить в набат, она собственноручно карала «преступников» (избиение Волоховой), она велела толпе поймать и казнить «злоумышленников», она спустя два дня после гибели сына распорядилась отыскать и убить «жоночку уродливую». Волоха избитого Осипа Волохова к церкви святого Спаса, угличане бросили его «еще жива перед ц(а)р(и)цу». Словно дикие звери, ведомые запахом крови, они жадно ловили ее взгляд или ее единое слово, чтобы безжалостно растерзать, разорвать в клочья свою новую жертву. Чаще всего распоряжения Марии Нагой убивать озвучивал толпе ее брат Михаил Федорович, присвоивший себе право действовать ее именем. Царица же то и дело выкрикивала имена злодеев, якобы зарезавших ее сына. «Перед царицу» приволокли и семью дьяка Битяговского – его теперь уже вдову Авдотью и двух его дочерей Евдокию и Марью («горкую вдовицу ...б(о)гомолицу Михаилову женишку Битяговского Свдот(ь)ицу [со] своими... дочеришками з Дун(ь)кою да с Машкою»).

Перемещение царицы и тела царевича в Спасский собор означало перенос туда эпицентра дальнейших событий. Вероятно, высший авторитет власти в Угличе ассоциировался с именем Марии Нагой и ее сына. Именно к царице тащили избитых, но еще живых «преступников», не решаясь их добить. Именно от нее ожидали решения их участи. Перед нею и все у того же собора св. Спаса несколькими днями позже комиссия Василия Шуйского допрашивала Арину Тучкову и Марью Колобову. Царица Мария Нагая и ее братья были для озверелой толпы угличан теми, кто должен и может вершить суд и расправу. Не имея в Угличе реальной вла-

Последнему Нагие, несомненно, не могли не придать значения. Именно о кровавых следах якобы убийства царевича его родственники озаботились, окропляя куриной кровью тела побитых 15 мая угличан и оружие, разложенное на них.

сти (она была в руках государева дьяка Михаила Битяговского), они эту власть символизировали. Втащив в храм и поставив перед телом царевича его матерью и их родственниками «поиманных» злоумышленников, толпа как бы избегала самосуда. Поскольку царица и ее семья находились возле тела царевича, лежащего в храме, и поскольку именно туда для совершения панихиды устремилось угличское духовенство, царицын суд и его решения толпа расценила как осененные святостью церкви и Божьим судом.

Расправа над Волоховым, вероятно, была отсрочена панихидой по царевичу. И архимандрит Феодорит, и игумен Савватий упомянули, что Осип Волохов был убит уже после того, как они покинули церковь. Вероятно, стоя «са столпомъ», Осип не столько прятался, сколько наблюдал за панихидой и затравленно и обреченно ожидал своей участи. Игумен Савватий на следствии показал, что не был свидетелем казни Волохова. Из показаний архимандрита Феодорита создается впечатление, что он мог наблюдать убийство Осипа Волохова своими глазами. Впрочем, он лишь констатировал сам факт расправы над Волоховым, больше сосредоточившись на описании конвоирования к церкви Авдотьи Битяговской с дочерьми и их спасении. Савватий же подчеркнул, что церковь не была осквернена убийством и что с Волоховым расправились, «выветчи» его из храма:

И после тоз(о) как они из ц(е)ркви пошли, и Осипа, сказывают, убили. А того он не вѣдает, хто ево, выветчи, убил.

Детали гибели сына подробно сообщила в своих показаниях Василиса Волохова. В его убийстве признался конюх Данила Григорьев. Вероятно, вскоре после гибели Осипа Волохова в Кремль прибыл городской приказчик Русин Раков.

В то время, когда Савватий и Феодорит выходили из церкви святого Спаса, конюхи отец и сын Григорьевы привели туда семью Михаила Битяговского. Намерения толпы не оставляли сомнений: вдову государева дьяка и двух его дочерей ждала неминуемая смерть («и хотѣли их побити»). Желая избежать напрасного кровопролития, служители церкви «...ухватили Миха[и]лову жену Битяговского з дочерми и *отняли* ихъ, и убить их не дали». Вероятно, это отвлекло внимание Савватия и Феодорита от Осипа Волохова. Толпа снова переключилась на него, «и... Осипа *тут* до смерти и убили, а убив, и прохолкали⁹, что над саицем».

⁹ Очевидно, «прохоркали»; см. у М. Фасмера: охотничье «хоркать».

Таблица 1

Описания гибели Осипа Волохова в расспросных речах
архимандрита Феодорита и игумена Савватия,
царевичевой мамки Василисы Волоховой и конюха Даниила Григорьева

Архимандрит Феодорит	Игумен Савватий	Василиса Волохова	Конюх Данила Григорьев
И как они приехали в город, а ц(а)р(е)вичево уж г(л)о в Спасе лежит, а Михаил Битяговский и с(ы)н(ы) ево Данило, и Микита Качалов, и Данило Трет(ь)яков, и Михайловы люди Битяговского, и Осиповы люди Волохова, и посадские люди три ч(е)л(о)в(е)ка лежат побиты. А Осипа Волохова привели при них, при нем, при архимарите при Феодорите, и при игумене Савватие, к ц(е)рков(е) к Спасу перед ц(а)р(и)цу только чють жива, и тут ево перед ц(а)р(и)цею прибили до смерти. А Михайлову жену Битяговск[ого] з двумя дочерми привели тут же к Спасу и хот(ь)ли их побити ж, и он, архимарит Феодорит и игумен Саватий, ухватили Миха[и]лову жену Битяговского з дочерми и отняли их, и убить их не дали. И посадские люди Михайлову жену и дочерей держали у Спаса, а Осипову мать Волохова посадили в полату са сторожи.	А Михаил Битяговский да с(ы)н(ы) ево Данило, да Микита Качалов, да Данило Трет(ь)яков и иные люди лежат в городе побиты, а Осипа Волохова застали ещ(о) жива: стоим во Спасе са столпом. И после тог(о) как они из ц(е)ркви пошли, и Осипа, сказывають, убили. А того он не в(е)дает, хто ево, выветчи, убил.	...и тут ето и поимали посадские люди и привели его ещ(о) жива перед ц(а)р(и)цу. И Михайлову жену Битяговског(о) з дочерми перед ц(а)р(и)цу ж привели. И ц(а)р(и)ца де миру моляла: то деи убийца ц(а)р(е)вичю с(ы)н(ы) еф, Осип Волохов. И с(ы)на еф, Осипа, тут до смерти и убили, а убив, и проходжали, что над зайцем.	А Осипа Волохова взяли на Михайлове двор(е) Битяговског(о) и привели ево к ц(а)р(и)це в ц(е)рков(у) к Сп(а)су, и Михаил Нагон вел(е)л Осипа Волохова и прибити, и посадские люди и он, Данилко, с отцом своим Осипа Волохова и убили до смерти.

Слово «холкать», «прохолкать» в доступных лексикографических источниках не встречается. Однако П. Червинский показал, что в основе всех частных значений корня **holkъ*, **holръ*, **holstъ* в славянских языках лежит значение *стричь, резать* [Червинский 2019, с. 42–44]¹⁰.

«Хорканьем» называются звуки, характерные для вальдшнепов на тяге. «Хорканье» в период брачных игр свойственно также самцам сайгаков, обитавшим в степях Калмыкии, Казахстана и в районе Астрахани. «Хорканьем» являются и выкрики, которыми охотники могут приманивать дичь. Однако к числу специальных охотничьих выкриков («порсканье», «вабинье», «подвывка») они не относятся¹¹. Предположение В.Н. Козлякова, о том, что убийство своего сына Василиса Волохова сравнила с «проглатыванием <зайца> целиком», скорее всего, не верно. «Холкати» не может быть тем же, что и «алкати, «халкати», что, вероятно, имел в виду Козляков (ср.: звукоподражательное «жадно есть, уплетать, глотать целиком»¹². Жадно утолять голод над дичью, а не самой дичью выглядит, по меньшей мере, странно.

У М. Фасмера отмечено *русск-цслав.* хракати («харкать», плевать), *болг.* «хракам» (харкаю, выплевываю), *сербохорв.* хркати, хрчѐм «храпеть, харкать», восходящие к *праслав.* **хъгkati*. Однако сравнение трупа Осипа Волохова с зайцем (затравленной дичью) не позволяет думать, что убийцы на него харкали, плевали. Речь явно идет о «зайце» как о добыче. Охотничий трофей никогда не мог быть оплеван. Не является слово «холкати» («хоркати») и орнитонимом: Волохова сравнивает своего сына не с тетеревом и не с вальдшнепом, которые «хоркают». Вероятно, имелись в виду некие звуки, которые означали торжество и одновременно – демонстрацию силы и угрозу, исходящую от охотников, победивших свою жертву. В ряде славянских языков глагол «хóркать, хóркати» означает «издавать определенные звуки», в том числе «кричать», «свистеть», «храпеть» и «хрипеть»: *укр.* хóркати «кричать, говорить

¹⁰ Предметом исследования П. Червинского является этимология слов «холуй», «холоп».

¹¹ Орнитоним «хорканье» упоминается в литературных произведениях в описании сцен охоты и встречается у Л.Н. Толстого («Анна Каренина»), Г.Н. Троепольского («Белый Бим Черное ухо»), В. Шелехова («Даль сибирская») и др.

¹² *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 2000. Т. 4. С. 541; *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. СПб., 1996. Т. 4. С. 218.

хриплым голосом», *словен.* hrkati «храпеть, откашливаться», *чеш.* chrkati, *слов.* chrĕat' «хрипеть, свистеть», *польск.* charkać, charcząć «хрипеть, жужжать»¹³.

Кроме того, «хорканье» является атрибутом деревенской драки «стенка на стенку», когда гортанный звук, близкий к хрюканью («хр-хр», «хру-хру»), совершаемый на вдохе, предваряет саму драку или первый удар. В традиционной культуре России «хорканье» фиксируется этнографами как составная часть обрядовой пляски «ломанье» («ломание») и считается крайне непристойным [Сokolova 2011, с. 35–41; Чистякова 2016, с. 42–44; Мехнецов 2014, с. 210, 263, 274]. «Ломание» исполняется под специальный наигрыш народных музыкальных инструментов (чаще всего – гармони) и (или) в сопровождении отрывистых припевов, односложных восклицаний (гиканья), припевов, притоптывания, непристойных выкриков («у-у-у, бя!») или односложных призывов («Вперед!», «Навались!»). Оно является одним из способов продемонстрировать сопернику свою агрессию, решимость, презрение и одновременно – импровизацией на тему драки. «Ломание» немыслимо без «выламывания» – специфического боевого пляса с элементами кулачного боя. Движения «выламывающегося» сознательно разрушают плясовую ритм и гармонию музыки. «Ломание» сопровождается приплясываниями и притоптываниями, поведением плечами, скачками и подпрыгиваниями, взмахами рук, сбрасыванием головных уборов и одежд, а также агрессивными ударами кулаком, ногой или палкой о землю. «Ломание» происходит на фоне особого психического состояния «выламывающегося» – «неумá» – и предваряет обрядовый или свободный бой против одного или группы противников [Базлов 2002, с. 29–38, 40–42; Максимов 2015, с. 151–154]. Смысл обрядового хорканья – угроза и демонстрация готовности к бою после «ломания», ритуальное приготовление к активному силовому действию [Мехнецов 2014, с. 274].

Как известно, Сигизмунд Герберштейн описал сцены охоты на зайцев при дворе Василия III. Он привел возгласы, которые издают охотники, затравившие зайца собаками, торжествуя и рукоплещая («Хо-хо!», «О-хо! хо! хо!»): «Как только (собаки) схватят зайца, то (охотники) кричат и громко рукоплещут (*НГ* «Хо-хо!»), будто свалили большого (*НГ* и свирепого) зверя... Когда заяц достигнут, охотники все кричат «О-хо! хо! хо!» – как будто затравили большого оленя...»¹⁴. Василиса Волохова, несомненно, имеет в виду охоту.

¹³ Фасмер М. Указ. соч. С. 263.

¹⁴ Герберштейн С. Записки о Московитских делах / Введ., пер. и примеч. А.И. Малеина. СПб., 1908. С. 211.

Убийство своего сына она с ужасом сравнила с травлей собаками зайца, сопровождавшуюся торжествующими выкриками («хорканьем»). Окончательно озверев, не получив возможности пролить кровь трех униженных и насмерть перепуганных женщин, только что потерявших мужа, сына, отца и брата, толпа не просто набросилась на Осипа Волохова. Она открыла охоту. Одним из убийц Волохова был непосредственный исполнитель почти всех казней в Угличе 15 мая конюх Данила Григорьев. Ему помогал его отец Михаил:

...и посадцкие люди и он, Данилко, с отцом своим ГѸсипа Волохова и убили до смерти.

В гибели царевича был обвинен ненавистный Нагим государев дьяк Битяговский и все близкие к нему люди. Из показаний рассыльщиков Молчанки Суворова, Рюмки Иванова, Гришки Мелюмина, Первушки Иванова, Васьки Малыгина, Тренки Мичорина и Семейки Онтипова с товарищи следует, что убитые «починщики» через Михаила Битяговского были связаны друг с другом отношениями родства или свойства: Осип Волохов был женат на сестре Микиты Качалова, приходившегося племянником Битяговскому:

...а Микыту Качалова убили за ево шурина за жилца, да за ГѸсипа за Волохова, что Микыта учал говорит(ь), чтоб ево шурина нѣ убил<и>; и онѣ за Микыту Качалова и ГѸсипа Волохова <убили. до см(е)рти.

Именно отец и сын Битяговские, Волохов и Качалов были названы царицей Марией Нагой в качестве предполагаемых убийц царевича:

...почала еи, Василисе, приговариват(ь), что будто се с(ы)нѣ еѣ, Василисин, ГѸсип с Михаиловым с(ы)ном Битяговского, да Микита Качалов ц(а)р(е)вича Дмитрея зарѣсали.

Данила Третьяков как лицо, которое будто бы Мария и Михаил Нагие обвинили в гибели царевича, фигурирует в показаниях Василисы Волоховой:

И ц(а)р(и)ца де Мар(ь)я и Михаило Нагой велѣли убити Михаила Битяговского и Михаилова с(ы)на, и Микиту Качалова, и Данила Трет(ь)якова. А говорила де ц(а)р(и)ца миру: то де д(у)шегубцы ц(а)р(е)в(и)чю.

На тело Третьякова, как и на тела других «убоиц» царевича впоследствии, по распоряжению Михаила Нагого, озабоченного необходимостью фальсификации улик, побросали выпачканные куриной кровью «ножи и палицу». Комиссия Василия Шуйского должна была поверить, что ими будто бы орудовали преступники. Однако Данила Третьяков, скорее всего, был убит толпой потому, что в момент расправы над Михаилом Битяговским оказался рядом с ним и вместе с ним скрывался в Брусняной избе («а Михаил Битяговской с Данилом с Трет(ь)яковым утекли...»). Однако нельзя исключать и вероятности каких-то иных, более тесных связей Битяговского и Третьякова. В противном случае последний вряд ли сопровождал бы дьяка в его укрытии и вряд ли разделил бы с ним его участь до конца.

Таблица 2

Родство или свойство между мнимыми убийцами
царевича Дмитрия
в отношении к дьяку Михаилу Битяговскому

<i>Имя «злоумышленника»</i>	<i>Кем приходился «злоумышленник» дьяку Михаилу Битяговскому</i>
Данила Битяговский	сын
Микита Качалов	племянник
Осип Волохов	шурин племянника (муж сестры Микиты Качалова)
Василиса Волохова	мать Осипа Волохова
Данила Третьяков	?

Не вытерпел страданий своего хозяина один из людей Осипа Волохова – Васка. Он бросился к нему и закрыл его своим телом, пытаясь защитить от побоев и неминуемой гибели. Василиса Волохова подробно описала кровавую расправу над ним:

А ч(е)л(о)в(е)къ с(ы)на, его Васкою свали, и он кинулся и пал на с(ы)не еѣ, на Осипе, чтоб его не убили до смерти, и человекъ его, Васку, туто ж над с(ы)н(о)м еѣ убили.

Другой слуга – безымянный «ч(е)л(о)в(е)к Василисин» – попытался прикрыть позор своей обесчещенной госпожи и положил на ее простоволосую голову свою шапку. Посадские тотчас же убили и его:

А другово ч(е)л(о)в(е)ка Василисина убили, что увидел Василису, что она простоволоса стоит, и он на неѣ положил свою шапку, и посадские люди са то его убили до смерти ж.

С этим двойным убийством ситуация в Угличе неуловимо, но кардинально изменилась. Ни царица Марья, ни ее братья Михаил и Григорий Нагие, скорее всего, не давали приказа убить холопов Василисы и Осипа Волоховых. Эти убийства были спонтанными, произошедшими в порядке реакции на противодействие силе. Убивала агрессивная, возбужденная толпа, которая в момент побития холопов уже не нуждалась ни в указаниях, ни в одобрении. Толпа перестала подчиняться Нагим, выдвинула своих собственных лидеров, начала жить по своим законам. Сытники Михаил Меншиков и Немир Бурков, а также стряпчий Кормового дворца Субота Протопопов и пищик Кормового дворца Алеша Афанасьев называли среди «починщиков» Ляпуна и Микитку Гунбиных, Степанку Полуехтова, Ивана Тимофеева и Тихона Быкова. Посадский человек Истомка Батусов в качестве таковых указал Тихона Быкова, Степана Полуехтова и сапожника Тита:

А в головах был у посадских людей, которые Михаила убили с товарищи, Тихон Быковъ, да Степан Полуехтов, да Тит сапожникъ.

Послушным орудием в руках Нагих и толпы были конюхи отец и сын Григорьевы, охотно и со вкусом убивавшие «злоумышленников». В показаниях Данилы Григорьева упомянуты 11 человек, побитых 15 мая 1591 г.: Михаил и Данила Битяговские, Микита Качалов, Данила Третьяков, Осип Волохов, три человека Михаила Битяговского, человек Осипа Волохова (вероятно, Васка) и два человека Микиты Качалова. Скорее всего, это те, в расправе над которыми отец и сын Григорьевы принимали непосредственное участие.

Возле церкви св. Спаса природные инстинкты толпы, вся архетипика вдруг обнажившегося первобытного сознания приобрела черты подчеркнуто обрядового действия. Хорканье («холканье») толпы над телом Осипа Волохова носило почти ритуальный характер. Вне зависимости от того, сопровождало ли оно «ломание» – боевой пляс «на задор» перед большой дракой¹⁵, или же было возгласом

¹⁵ Полагая, что «хорканье» над телом Осипа Волохова было в первую очередь охотничьим возгласом, мы не исключаем, что торжество над телом отравленного, как дичь, врага, сопровождалось какими-то элементами «ломания». Радость убийц могла выражаться движениями, характерными для боевого пляса (ударами ног о землю, заламыванием рук, сбрасыванием

над удачно забитой дичью, оно демонстрировало жажду крови и устрашение, а главное – восходило к ритуальным проявлениям агрессии древних охотников и воинов. Агрессивная толпа питается кровью и жаждет крови. Сам процесс формирования *агрессивной толпы* связан с возрождением в коллективном сознании архетипа охотника и бесстрашного воина, сначала угрожающего своей жертве, затем проливающего ее кровь и, наконец, торжествующего над своей добычей или поверженным неприятелем [Ефимов 2015, с. 385–412]¹⁶. «Ломание» с «хорканьем» предшествовали боестолкновению с врагом. Драка после «ломания» имитировала этот бой, психологически подготавливала к нему и тренировала физически. «Хорканье» охотника означало начало охоты на дикого зверя.

Исследователи боевых плясов, в частности «ломания», которое предварило жестокие, нередко со смертельным исходом, драки, отмечали, что в России они сопровождали крупные церковные праздники (Троицын день, Димитриевскую субботу, вторник Фоминой недели – второй недели после Пасхи, называемый Радунницей и др.) и одновременно несли в себе отголоски древнейших языческих представлений и верований. Известно, что «ломание» чаще всего происходило на городской или деревенской окраине. Отмечены случаи «ломания» вблизи кладбища. Это говорит о том, что драковая культура как ритуал связана с мистическим представлением о некой «границе» между миром мертвых и живых и с почитанием усопших [Чистякова 2016, с. 42–44; Максимов 2015, с. 151–154]. В системе образного восприятия мира в мифологическом сознании в качестве границы могут выступать сказочные реки (в том числе «огненные»), водовороты, омуты, «моря-океаны», бугры, горы, овраги, опушка леса, мост, «та сторона», территория «за городом», «за деревней», «за лесом», «за горами», «за лесами, за борами» и пр.¹⁷ [Левкиевская 1996, с. 85–211; Левкиевская 2004а, с. 81–105; Левкиевская 2004б, с. 342, 353–356, 360–361]. «Ломание» на окраине или у кладбища архетипически восходит к ритуальному сопряжению двух миров – живых и

головных уборов, битьем себя кулаком в грудь – теми движениями, которые в народной плясовой культуре именуются «ломать дурака», «выламываться», «ломать горбатого») и предваряют большую драку.

¹⁶ Имеется в виду охота в Средневековье, ставшая не только способом добычи пропитания как у древних людей, а развлечением, частью подготовки к военным действиям и даже привилегией. См. также: *Кутепов Н.И.* Русская охота. М.: Белый город, 2011. С. 16–98.

¹⁷ *Пропи В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во Ленинградского государственного ун-та, 1946. С. 20.

мертвых, «своих» и «чужих» [Морозов, Слепцов 2004, с. 192–207; Максимов 2015, с. 151–154].

15 мая 1591 г. ритуальное «хорканье» толпы произошло возле храма св. Спаса. Это придавало убийству Осипа Волохова, поруганию женщин (Василисы Волоховой и Битяговских), побиению их холопов почти сакральный характер. Гибель наследника (пусть очень сомнительного, рожденного и росшего тогда, когда оставались надежды на «чадородие» Федора Ивановича [Столярова, Белоусов 2022, с. 189–200], да к тому же появившегося на свет от шестой или даже седьмой жены Ивана Грозного) сопровождалась отмщением и принесением кровавой жертвы возле церкви. Именно вблизи той церкви, где в то время находилось тело погибшего царевича Дмитрия и только что прошла лития. Безудержная, звериная агрессия толпы как бы оправдывалась ритуальной смертью за смерть и, в коллективном сознании толпы, ассоциировалась с Божьей волей и Божьим промыслом. Более того, принцип равного возмездия (талион) подменялся самосудом. Чудовищное соединение первобытных архетипов с религиозностью стало кульминацией в *формировании агрессивной толпы*. Требовались новые жертвы, и они были принесены. Началась настоящая охота на будто бы виноватых – «прихожих» к Битяговскому людей.

Насытившись кровью, *толпа агрессивная*, видимо не без участия Нагих, превратилась в *толпу стяжательскую*¹⁸. Согласно показаниям посошного сборщика, Михаил Нагой приказал грабить двор Михаила Битяговского. Вероятно, царицын брат расплачивался с палачами дьяка его же собственным добром:

...а побив тѣхъ людей (т. е. «злоумышленников». – Л. С.) ...подвор(ь)е Михаила Битяговского велѣл розграбит(ь).

Жалуясь царю Федору на учиненные братьями Нагими убийства, Авдотья Битяговская в своей челобитной винила их и в будто бы данном обоими распоряжении грабить ее двор. Однако имена Михаила и Григория Федоровичей указаны только в той части челобитной, где вдова говорит об убийстве мужа, сына и прочих несчастных, а также о конвоировании ее с дочерьми к церкви св. Спаса.

¹⁸ В социальной психологии стяжательская толпа – это подвид действующей толпы (наиболее значимого и опасного вида коллективного поведения), когда люди вступают в неорганизованный конфликт за обладание некоторой ценностью. Доминирующей эмоцией здесь становится жадность, жажда обладания, к которой примешивается страх (см.: Назаретян А.П. Психология стихийного массового поведения. М.: ПЕР СЭ, 2001. С. 23–25).

В той же части челобитной, где идет речь о грабеже, никакие имена вообще не названы:

...и животишка, г(осу)д(а)рь, наши все на подвор(ь)ишке розграбили без остатк<у>.

Впрочем, Григорий Нагой не побрезговал взять себе принадлежавшую Михаилу Битяговскому саблю, которую украл из его дома Данила Григорьев. Не исключено, что когда Авдотья Битяговская составляла свою челобитную, она уже знала о трофее Григория Нагого, а потому и обвинила его в отдаче распоряжения разграбить ее «подворьишко». Следственное дело рисует дикие картины разнузданной вакханалии, которую толпа устроила на опустевшем подворье Битяговских. Опьяненная кровью, сильная своей безнаказанностью, слегка припеченная майским солнцем, толпа двинулась грабить дьячье добро, допьяна упиваться чужим вином и безжалостно крушить то, что нельзя унести.

Таким образом, в «холканье» (хорканье) над трупом сына Василиса Волохова увидела ликование охотников, удачно забивших свою незащищенную жертву («зайца»). Выкрики убийц над трупом Осипа Волохова были своего рода выражением готовности агрессивной толпы к активному силовому действию и одновременно – знаком торжества над поверженной жертвой. В них прослеживается демонстративное и иницилирующее начало, характерное как для древнего охотничьего ритуала, так и для народного боевого пляса «на задор» (драку) – «ломания». В «холканье» толпы Волохова справедливо уловила не только демонстрацию силы (так называемая проактивная агрессия¹⁹), но и начало настоящей охоты на мнимых врагов, которая последовала сразу за кровавыми событиями возле Спасского собора.

¹⁹ Вид агрессии, целью которой является завладение вниманием. В *проактивной агрессии* доминируют не гнев, а удовольствие и возбуждение, отсутствует непосредственная угроза. Акт проактивной агрессии может планироваться и воспринимается субъектом агрессивного поведения как способ торжества над врагом. Сказанное отличает проактивную агрессию от *реактивной*, всегда являющуюся ответом на непосредственную угрозу, в которой доминирующим эмоциональным состоянием становится гнев и которая переживается субъектом агрессивного поведения как фрустрация. Реактивная агрессия предполагает цепочку: воздействие – гнев – реакция (агрессивное поведение). Проактивная агрессия может строиться на эмоциях, связанных с одобрением агрессивного поведения референтным лицом или группой лиц. Благодарю П.В. Беловосова за консультацию о видах агрессии.

Литература

- Базлов 2002 – *Базлов Г.Н.* Деревенская артель кулачных бойцов-рукопашников: Опыт реконструкции: По материалам северо-западной России. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. 165 с.
- Ефимов 2015 – *Ефимов С.В.* Европейская охота и охотничье оружие от Средневековья до конца XVIII в. М.: Атлант, 2015. 800 с.
- Козляков 2009 – *Козляков В.Н.* Лжедмитрий I. М.: Молодая гвардия, 2009. 288 с.
- Левкиевская 1996 – *Левкиевская Е.Е.* Славянские представления о способах коммуникации между тем и этим светом // Концепт движения в языке и культуре: сб. научных статей / отв. ред. Т.А. Агапкина. М.: Индрик, 1996. С. 85–211. (Библиотека Института славяноведения и балканистики РАН)
- Левкиевская 2004a – *Левкиевская Е.Е.* Агрессия как форма защитной магии в славянской традиционной культуре // Агрессия в языке и речи / под ред. И.А. Шаронов. М.: РГГУ, 2004. С. 81–105.
- Левкиевская 2004b – *Левкиевская Е.Е.* Представления о «том свете» у восточных славян // Славянский альманах, 2003. М., 2004. С. 342–367.
- Максимов 2015 – *Максимов С.Г.* Русские воинские традиции. М.: Вече, 2015. 320 с. (Неведомая Русь)
- Мехнецов 2014 – *Мехнецов А.М.* Народная традиционная культура. Статьи и материалы: К 150-летию Санкт-Петербургской консерватории. СПб.: Нестор-История, 2014. 440 с.
- Морозов, Слепцов 2004 – *Морозов И.А., Слепцов И.С.* Круг игры: Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX–XX вв.). М.: Индрик, 2004. 920 с. (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования)
- Почебут 2005 – *Почебут Л.Г.* Социальные общности: Психология толпы, социума, этноса. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного ун-та, 2005. 287 с.
- Рощин 1990 – *Рощин С.К.* Психология толпы: анализ прошлых исследований и проблемы сегодняшнего дня // Психологический журнал. 1990. Т. 11. № 5. С. 3–16.
- Соколова 2011 – *Соколова А.Н.* Казачьи танцы как культурный феномен // Вестник государственного Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2011. Вып. 4. С. 191–196.
- Столярова, Белоусов 2022 – *Столярова Л.В., Белоусов П.В.* Правительство царя Федора Ивановича в попытках преодоления династического кризиса // Акротерий: Проблемы истории, искусствоведения, архитектуры и реставрации: Сб. статей к 70-летию А.Г. Мельника / отв. ред. С.М. Каштанов. М.: Квадрига, 2022. С. 189–200.
- Червинский 2019 – *Червинский П.* О мотивационной соотносительности лексико-семантических деривантов (на примере одного славянского корня) **Chol-* и его производные // Acta Universitatis Lodziensis. Folia linguistica Rossica. 2019. Vol. 18. P. 39–60.

Чистякова 2016 – Чистякова А.А. Восточнославянский боевой пляс: от боя к искусству // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2016. № 2. С. 42–44.

References

- Bazlov, G.N. (2002), *Derevenskaya artel' kulachnykh boitsov-rukopashnikov: Opyt rekonstruktsii: Po materialam severo-zapadnoi Rossii* [Village artel of fist fighters: The experience of reconstruction. Based on the materials of north-western Russia], Ph.D. Thesis (History), Moscow, Russia.
- Chervinskii, P. (2019), “On the Motivating Relation of Lexical-Semantic Derivatives (One Slavonic Root as an Example). *Chol- and its Derivatives”, *Acta Universitatis Lodzensis. Folia linguistica Rossica*, vol. 18, pp. 39–60.
- Chistyakova, A.A. (2016), “East Slavic war dance: from fighting to art”, *Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta*, vol. 2, pp. 42–44.
- Efimov, S.V. (2015), *Evropeiskaya okhota i okhotnich'e oruzhie ot Srednevekov'ya do kontsa XVIII v.* [European hunting and hunting weapons from the Middle Ages to the end of the 18th century], Atlant, Moscow, Russia.
- Kozlyakov, V.N. (2009), *Lzhedmitrii I* [False Dmitry I], Molodaya gvardiya, Moscow, Russia.
- Levkievskaya, E.E. (1996), “Slavic ideas about the ways of communication between this and that light”, in Agapkina, T.A., ed., *Kontsept dvizheniya v yazyke i kul'ture: sbornik nauchnykh statei* [The concept of movement in language and culture. Collected scientific articles], Indrik, Moscow, Russia, pp. 85–211. (*Biblioteka Instituta slavyanovedeniya i balkanistiki RAN*)
- Levkievskaya, E.E. (2004), “Aggression as a form of protective magic in Slavic traditional culture”, in Sharonov, I.A., ed., *Agressiya v yazyke i rechi* [Verbal aggression], RGGU, Moscow, Russia, pp. 81–105.
- Levkievskaya, E.E. (2004), “Eastern Slavs have ideas about the ‘other world’”, in Slavyanskii al'manakh, 2003 [The Slavic almanac], Moscow, Russia, pp. 342–367.
- Maksimov, S.G. (2015), *Russkie voinskie traditsii* [Russian military traditions], Veche, Moscow, Russia. (*Nevedomaya Rus'*)
- Mekhnetsov, A.M. (2014), *Narodnaya traditsionnaya kul'tura. Stat'i i materialy: K 150-letiyu Sankt-Peterburgskoi konservatorii* [Folk traditional culture. Articles and materials. On the 150th anniversary of the St. Petersburg Conservatory], Nestor-Istoriya, Saint Petersburg, Russia.
- Morozov, I.A. and Slepsov, I.S. (2004), *Krug igry: Prazdnik i igra v zhizni severnorusskogo krest'yanina (XIX–XX vv.)* [The circle of the game. Celebration and play in the life of the North Russian peasant (19th – 20th centuries)], Indrik, Moscow, Russia. (*Traditsionnaya dukhovnaya kul'tura slavyan. Sovremennye issledovaniya*)

- Pochebut, L.G. (2005), *Sotsial'nye obshchnosti: Psikhologiya tolpy, sotsiuma, etnosa* [Social communities. Psychology of crowds, society, and ethnicity], Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, Saint Petersburg, Russia.
- Roshchin, S.K. (1990), "Crowd psychology: An analysis of past research and the challenges of today", *Psikhologicheskii zhurnal*, vol. 11, no. 5, pp. 3–16.
- Sokolova, A.N. (2011), "The Cossack dances as a cultural phenomenon", *Vestnik gosudarstvennogo Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie*, iss. 4, pp. 191–196.
- Stolyarova, L.V. and Belousov, P.V. (2022), "The government of Tsar Fyodor Ivanovich in an attempt to overcome the dynastic crisis", in Kashtanov, S.M., ed., *Akroterii: Problemy istorii, iskusstvovedeniya, arkhitektury i restavratsii: Sbornik statei k 70-letiyu A.G. Mel'nika* [Acroterium: Problems of history, art history, architecture, and restoration. Collected articles on the 70th anniversary of A.G. Melnik], Moscow, Russia.

Информация об авторе

Любовь В. Столярова, доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр-кт, д. 32а; lvsto@mail.ru

Information about the author

Lyubov V. Stolyarova, Dr. of Sci. (History), Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 32a, Leninsky Av., Moscow, Russia, 119334; lvsto@mail.ru